

*ИСТОРИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ***АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ИСТОРИИ В XX в.**

Ангелина Сергеевна ВАЩУК,
доктор исторических наук, профессор

Юбилей Института истории ДВО РАН, ведущего гуманитарного академического института на востоке России приходится на время коренных изменений в отечественной историографии и бурных дискуссий о будущем исторической науки. Научные споры демонстрируют не только концептуальный плюрализм, но и появление новых мнений и взглядов на будущее историков. В связи с этим хотелось бы обратиться к публикации М.А. Бойцова «Выживет ли Клио при глобализации?». Автор дискуссионной статьи определяет основные тенденции исторического знания в эпоху глобализации и пишет: «Главная из них (огорчительная для историков тенденция) состоит в том, что постепенно складывающийся мир, похоже, вообще не будет нуждаться в истории. Или, выражаясь осторожнее, он не будет нуждаться в тех видах, которые нам столь привычны и дороги»¹.

Безусловно, в начале XXI в. мы задумываемся о будущем исторической науки и пытаемся выделить актуальные направления и проблемы, хотя наши оценки не обращены в столь далекое будущее. Коренные изменения в мировой историографии существенно влияют на проблематику социальной истории России. Однако тезис о том, что пройдет полная деконструкция национальной истории, большинство ученых не разделяет. В этой связи можно привести мнение президента Международного конгресса исторических наук Ю. Кокка (ФРГ), который на

Историки. Фото 1996 г.

XX Международном конгрессе подчеркнул: «Лимиты глобализации в оценках исторического прошлого также очевидны, и национальные приоритеты здесь не вытеснены глобализационными оценками»².

Реакция отечественной исторической науки на «внешний» натиск глобализации проявляется со всей очевидностью. Можно выделить одну из форм такой рефлексии историков — активное обращение к локальной истории. Поиски научных ответов на возникающие вопросы в области развития российского общества в рамках таких методологических подходов, как микро-история и повседневность, также отражают региональную самоидентификацию.

Историографическая ситуация начала XXI в. в России уже в определенной степени проанализирована в работах ведущих историков. В статьях А.Д. Сахарова, А.А. Искандерова, А.Т. Тertyшного и А.В. Трофимова, В.Г. Согрина и др.³ даны характеристики и основные черты концептуального плюрализма, выделены и основные направления исторических исследований. Мы позволим себе дополнить эту общую картину лишь одним тезисом. Процессы, происходящие на постсоветском пространстве,

сопровожаются активным конструированием национальных историй. Но если национальные школы бывших советских республик организовали полемику по отношению к имперской картине российского прошлого, то российское сообщество историков попыталось пройти путь ретроспективной самоидентификации через смену парадигмы анализа исторического пути России. В настоящее время целый ряд исследователей, в том числе изучающих советскую эпоху и, в частности вторую половину XX в., при интерпретации исторических источников опираются на концепцию модернизации.

Теория модернизации хорошо известна современным историкам, как, впрочем, и те изменения, которые внесены современными обществоведами в ее трактовку. В исторической литературе нет единства ни в определении самого понятия «модернизация общества», ни в характеристике модернизационного подхода к изучению исторического процесса в России. Но большинство отечественных авторов (В.В. Согрин, В.В. Алексеев, В.А. Красильщиков, О.О. Лейбович и др.) рассматривают реформы, влиявшие на политические и экономические изменения и социальную динамику в контексте специфики российской модернизации⁴.

Начиная с середины 90-х годов XX в. и по сегодняшний день, модернизационная парадигма определяет методологические посылки многих трудов как макроисторического характера, так и исследований по конкретной тематике. А.С. Сеньявский, обращаясь к вопросу о перспективах развития методологии исторической науки, считает, что у нее есть будущее: «Весьма перспективно, на наш взгляд, использование взаимодополняющих стадияльно-модернизационной и цивилизационной концепции... Скачкообразность социальной динамики с разнонаправленностью конкретных процессов не отменяет того факта, что социальное развитие имело относительно постоянный вектор, определяемый потребностью модернизации»⁵.

Среди исследователей, которые занимались конкретно-исторической историей советской эпохи и применили эвристические возможности модернизационного подхода, можно, например, назвать А.Г. Вишневого. Несмотря на то, что его книга «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР» написана на стыке нескольких жанров (историческое исследование, публицистика, социология), ее конкретика позволяет определить теоре-

Историки. Первый ряд (слева направо): Т. Шаленко, Л. Проскурина, Л. Слабнина, Г. Ткачева; второй ряд (слева направо): В. Макаренко, Б. Мухачев, А. Мандрик, А. Игнатюк, С. Балдин, О. Насадюк. Фото 2006 г.

тическую позицию автора. А.Г. Вишневский анализирует эволюцию российского общества и показывает основные его превращения: из традиционного, аграрного, сельского, патриархального, холистского в современное индустриальное и «постиндустриальное», городское, демократическое, индивидуальное⁶. Он приходит к выводу о наличии «пяти модернизаций» России, но которые так и остались незавершенными.

К числу исследователей, кто провел фундаментальный анализ социальной истории России, опираясь на модернизационную теорию, следует отнести Б.Н. Миронова⁷. Несмотря на то, что хронологические рамки поистине энциклопедического его труда охватывают период XVIII — начала XX в., в теоретическом плане историк выходит на проблему советской модернизации. По его мнению, она была основана на сочетании целей прогресса, но проводилась традиционными средствами и институтами. Книга Б.Н. Миронова, получившая широкий резонанс в сообществе историков, философов, социологов, актуализировала проблему создания социальной истории России XX в. Но в то же время она показала, что подобный фундаментальный труд возможен только при реализации успешных региональных проектов, которые дают мощную источниковую базу для макроисторического труда.

Историки. Стоят (слева направо) А. Коняхина, С. Власов, Н. Заровнева, Т. Троякова.
Сидят (слева направо) Е. Чернолуцкая, А. Ващук, Л. Крушанова. Фото 2006 г.

Интерпретация советской истории с учетом развития теории модернизации на современном этапе смогла «объединить» историков разного направления. Об этом, например, свидетельствует и крайне политизированная книга С. Кара-Мурзы «Советская цивилизация»⁸. Форсированная урбанизация, начатая с 60-х годов в СССР, и поставленная им в число факторов развития советского общества, является показателем того, что и этот автор не избежал влияния теории модернизации при объяснении разного уровня противоречий, существовавших в СССР. Оценка советской эпохи в рамках теории модернизации характерна и для многих работ начала XXI в. Историки используют ее, не только объясняя эволюцию советского общества, но также опираются на нее при исследовании процесса распада СССР⁹.

Не рассматривая всех достоинств модернизационного подхода к советской истории и высказанной критики со стороны тех, кто его не приемлет, заметим, что в 2000—2005 гг. он был воспринят историками-регионалистами. В ряду таких центров, в котором велись исследования, можно назвать Уральский под руководством академика В.В. Алексеева. В ретроспективной аналитике

локальной истории уральские ученые пришли к новым выводам. В.В. Алексеев выделяет вопрос о способах советской модернизации и считает, что она носила очевидный военно-политический характер, в то же время не решала многих задач классической модернизации и имела свои социальные последствия.

Что объединяет российских историков при анализе конкретного социально-экономического материала? Прежде всего большинство авторов делают акцент на незавершенности и догоняющем характере как раннесоветской, так и позднесоветской модернизации. На конференции, посвященной изучению социальных трансформаций в российской истории (Екатеринбург, 2004), целый блок докладов был объединен единой темой «Региональная социально-экономическая история»¹⁰.

Ученые-дальневосточники при толковании социальных, политических процессов также обращаются к теории модернизации и учитывают некоторые специфические моменты ее применения. В частности, в процессе анализа дальневосточного материала они заметили, что советский строй «законсервировал» некоторые социально-экономические явления, которые попадают под признаки традиционности общества, например, экстенсивный тип производства, отсталые структуры быта и др.¹¹ Модернизация 50—70-х годов способствовала разрушению аскетического образа жизни и формированию потребительского общества на территории региона в 70—80-е годы XX в. (А.С. Ващук¹²), возникновению нового типа и качества жилья (С.А. Власов¹³), развитию высшего технического образования на Дальнем Востоке (В.Г. Макаренко¹⁴) и новых форм подготовки квалифицированных кадров, воздействия рынка труда на систему обучения молодежи в области профтехобразования в 90-е годы (С.С. Балдин¹⁵).

Позднесоветская модернизация проявилась в реформировании управления народным хозяйством в регионе, в ходе которого образовался бюрократический рынок (С.Г. Коваленко¹⁶). Социально-экономическая модернизация начиналась в центре и постепенно вовлекала в свою орбиту восточные территории. Однако этот процесс не всегда оборачивался положительными изменениями в материальном положении дальневосточников, а также вновь прибывавшего населения. Экстенсивный путь развития региона, имевший место на предыдущих исторических этапах, продолжался фактически до конца советского периода.

Его важнейшей составляющей было постоянное пополнение трудовых ресурсов за счет миграционных потоков.

На современном этапе изучение роли миграций, находящейся под контролем государства, в консервации экстенсивного пути развития региона, ее значение в трансформационные периоды нашло отражение в программе «Социально-демографическая история Дальнего Востока в XX веке» (1998—2002 гг., руководитель д-р ист. наук, проф. А.С. Ващук). В 2002 г. авторский коллектив в составе А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкой, В.А. Королевой, Г.Б. Дудченко и Л.А. Герасимовой при поддержке гранта РГНФ завершил работу над монографией «Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке». Особенность данного проекта состоит в том, что впервые в отечественной историографии ретроспективные исследования этнического компонента в миграционных процессах Юга Дальнего Востока было проведено в рамках более чем столетнего периода. Если предшественники внесли огромный вклад в изучение национальностей, которые имели особое значение в миграции в определенные годы, то авторам названной монографии удалось охватить как внутреннюю, так и внешнюю миграцию с выделением этнического компонента. Участники проекта разработали концепцию этномиграционных процессов в регионе, который отличался спецификой хозяйственного освоения в рамках российского цивилизационного пространства и особым геополитическим статусом. Изучение этнического компонента в миграционном процессе на протяжении более чем векового периода позволило исследователям сформулировать вывод об исторических параллелях и новых явлениях на определенных этапах, которые были обусловлены политическими и экономическими факторами. На базе новых источников авторы проанализировали влияние политического режима и системы власти на характер миграционной политики и формы этнических миграций. Впервые в отечественной историографии были исследованы исторические аспекты адаптации этнических мигрантов в особые периоды, которые отличались экстремальными условиями, в том числе в годы реформ конца XX в. Они показали диаспоральную ситуацию в Приморье в начале и конце XX в., рассмотрели проблемы пребывания иностранцев в крае и отношения к ним со стороны российской администрации и местного социума на различных этапах.

В 2004 г. сотрудник Института истории ДВО РАН Г.Б. Дудченко защитил кандидатскую диссертацию «Китайская, вьетнамская и северококорейская миграция на Юге Дальнего Востока России в 80—90-е годы XX в.» Впервые в отечественной историографии проанализированы все основные потоки международной миграции из традиционного зарубежья на Юге Дальнего Востока в обозначенный период и выявлены особенности социальной адаптации иностранных работников в этой части России с учетом политических и экономических реформ в стране и новых тенденций в международных отношениях. В 2006 г. ретроспективный анализ миграционных потоков нашел отражение в изучении специфики мобилизационных форм пополнения трудовых ресурсов в экстремальной послевоенной ситуации¹⁷.

Так называемый сквозной хронологический подход применительно к миграции выявил актуальность и научную значимость такого аспекта как экономическая и социальная адаптация мигрантов. Выше названный проект может быть продолжен и требует расширения территориальных рамок, включения в качестве объектов исследования особых территорий — Северо-Восток Азии, Сахалин и Курильские острова. В свете изменений социального познания в условиях глобализации история миграций с учетом «национальной истории» не утратит своего научного значения. Позволим себе предположить, что тема миграций, проблема диаспоральной ситуации в регионе, конфессионального статуса иммигрантов будут одними из ключевых при анализе современного процесса формирования новых черт регионального социального пространства. Изучение вопросов национальной безопасности в регионе и сохранения роли России в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, исследование вектора развития российской цивилизации в этом же регионе повышают научное значение данного исследовательского направления. Продолжение проекта — это одна из научно-организационных возможностей историков выявить социальные и демографические проблемы населения региона в начале XXI в. На XX Международном конгрессе исторических наук (Сидней, Австралия, 3—9 июля 2005 г.) вопросы массовых миграций были выделены в категорию особых специальных тем¹⁸.

Другим важным направлением, позволяющим раскрыть региональную социальную историю, стала тема «Власть и общество».

Сложившаяся проблемная ситуация учитывала ряд обстоятельств, в частности, преемственность в тематике с предшествующим периодом деятельности института; общий уровень накопленной информационно-источниковой базы; принципиальную степень документированности с учетом открытия новых архивных источников.

Выдвижение на первый план проблемы «Власть и общество», в том числе на перспективу исследования, вовсе не означает, что мы стремимся к политизации прошлого Дальнего Востока. Отношения между властью и обществом — это лишь один из социальных критериев исторического процесса в советскую эпоху, как и в любом историческом типе общественного развития. Полученные результаты в опубликованных статьях 2000—2005 гг. показали, что ретроспективная картина регионального пространства может быть конкретизирована через различные уровни и «горизонты» власти в обществе. В этом контексте актуальной остается ранее изучавшаяся тема политических репрессий, оказавших влияние на всю политическую культуру 30—50-х и даже 60-х годов XX в. Предстоит завершение комплексного проекта, который ведет Е.Н. Чернолуцкая.

В своих трудах она ставит задачу показать ту роль, которую советское государство отводило Дальнему Востоку в репрессивной политике в 1920—1950-е годы, а также выявить социальные, экономические и демографические последствия такой политики. Эта проблема раскрывается в исследованиях ученой по трем основным направлениям: развитие пенитенциарной системы в регионе, политические репрессии и принудительные миграции. Впервые в отечественной историографии она дала обобщающую характеристику системы исправительно-трудовых лагерей и общих мест заключения в регионе в 1920—1930-е годы и пришла к выводу о том, что Дальний Восток накануне второй мировой войны превратился в крупнейшую «лагерную зону в стране»¹⁹. Е.Н. Чернолуцкая также показала, что дальневосточный регион в 1930-е годы был территорией, население которой испытало наиболее мощный пресс государственной репрессивной политики²⁰.

Особое внимание исследователь уделяет принудительным миграциям на Дальнем Востоке, раскрывая не только общую их характеристику и особенности различных категорий подневоль-

ных переселенцев, но и влияние данного феномена на демографическое развитие края, социальную стратификацию, этнический состав населения. Ей удалось выявить и проанализировать не исследованные ранее материалы об административных выселениях в период паспортизации (1933—1934 гг.) и так называемых «неблагонадежных» групп (1939 г.), депортации китайцев (1938 г.), переселениях немцев (1930—1950-е годы) и др., а также показать противоречивый характер государственной миграционной политики в сталинский период в целом²¹.

В 2005 г. была опубликована статья Л.А. Крушановой²², в которой сделана заявка на историко-антропологический подход к исследованию: автор на основе архивных источников попыталась определить отношение принудительных мигрантов к своему статусу и выделить некоторые формы его проявления.

В 2000—2005 гг. небольшая группа сотрудников Института истории ДВО РАН активно продолжала исследовать период середины 40-х — 80-х годов XX в. Надо сказать, что в последние пять лет у представителей вузовской науки этот период не пользовался особой популярностью. Их взоры чаще всего были обращены к XIX — началу XX в., а также довоенному советскому периоду. А в публикациях сотрудников института разработаны такие аспекты социальной истории, как отношение местных органов власти к мигрантам из разных регионов СССР в середине 1940-х—1950-е годы, жилищное строительство на Дальнем Востоке как критерий оценки социально-экономического развития региона, в том числе и в трансформационный период (С.А. Власов).

Для завершения фундаментального труда «История Дальнего Востока» очень важное значение имеют разработки по истории эволюции советской модели властных отношений в контексте «центр — регион». В секторе социальной истории и политики подготовлена кандидатская диссертация на тему «Реформирование системы государственного управления народным хозяйством на Дальнем Востоке России (середина 50-х—70-е годы XX в.)». Ее автор — молодая исследовательница С.Г. Коваленко, опираясь на концепцию «центр — регион», раскрывает проблему «столичного моноцентризма», складывающегося из традиционных методов управления периферийными территориями. С.Г. Коваленко — одна из немногих дальневосточных историков, предпринявшая анализ проведения реформ управления народным хозяйством

в 1950—1970-е годы на Дальнем Востоке. Результаты ее диссертационного исследования восполняют пробел в раскрытии региональной политики и роли местной политической элиты в управлении народным хозяйством.

С конца 90-х годов XX в. на творческую лабораторию историков стала оказывать активное влияние методология, получившая распространение в культурной и исторической антропологии. Хотя, как известно, утверждение антропологических тенденций в отечественной науке началось еще в конце 1980-х годов в работах известных советских историков Б.Ф. Поршнева, А.Я. Гуревича, М.Н. Барга и др. В те годы многие явления российских реалий в основном по средневековью и новому времени стали объясняться сквозь призму категории «ментальность», пришедшей из школы «Анналов». Относительно советской эпохи «ментальное измерение» утверждается лишь с середины 90-х годов в работах Е.Ю. Зубковой и др.²³

Исследовательский процесс в дальнейшем закономерно приводит специалистов, работающих в очень разных хронологических и концептуально-тематических рамках, к выводу о большом научном потенциале историко-антропологического осмысления отечественной истории. Поэтому в трудах, посвященных проблеме «власть и общество», модернизационный подход стал дополняться элементами социальной антропологии.

Это отражается и в трудах дальневосточных историков в виде постановки вопроса о той «цене», которую «уплатили» дальневосточники за промышленное освоение Дальнего Востока в 1930—1950-е годы. Введение «человеческого измерения» в региональную историю прослеживается в работах, посвященных отдельным темам. Так, И.Д. Бацаев, А.И. Широков, В.Г. Зеляк, А.Г. Козлов показали масштабы «человеческой цены» на примере истории «Дальстроя»; В.В. Щеглов на примере формирования населения Сахалина раскрыл технократическую политику государства.

Сотрудники Института истории ДВО РАН обратились к социальной политике как интегральному показателю отношения власти к населению, проживавшему на Дальнем Востоке. Методологические традиции, заложенные в конце 1990-х годов в монографии А.С. Ващук²⁴, получили дальнейшее развитие в монографии О.И. Шестаков²⁵. Последней удалось выявить сложную стратифи-

кацию дальневосточного общества 20-х годов XX в., определить роль социальной политики в ее трансформации в 30-е годы. Общая социально-политическая картина тех лет дополняется историей взаимоотношений дальневосточного крестьянства и власти в 30-е годы, представленной в совместной книге Л.И. Проскуриной (ИИАЭ) и Е.А. Лыковой (ДВГУ)²⁶.

Выводы о социальных последствиях на Дальнем Востоке и масштабах насилия над крестьянами значительно расширяют наши знания о преобразованиях собственности в советском обществе и социальном статусе людей, занятых в аграрном секторе.

Следует отметить, что в 1997 г. была опубликована монография Л.А. Слабниной, в которой были получены результаты, свидетельствующие о динамике доходов и различиях в материальном положении рабочих-дальневосточников как внутри региона, так и в сравнении с центром²⁷.

Таким образом, с учетом научных результатов предшествующего периода учеными Института истории в серии монографий и малоформатных публикациях была решена проблема сущности изменений в советской социальной политике, ее влияния на социально-имущественную дифференциацию населения Дальнего Востока за весь советский период, выявлена «цена» модернизации в дальневосточном регионе.

Однако за пределами исследовательского поля все еще оставалась глубокая проработка вопросов отношения населения регионов к самой социальной политике распределительного типа, пределы ее принятия, причины и формы критики, способы адаптации, в том числе и выходящие за рамки советских норм и законов. Не были выявлены формы защиты личных интересов и т.д. Поэтому в 2000—2005 гг. был предпринят поиск новых документов, организована работа в региональных архивах, в том числе при поддержке грантов Президиума ДВО РАН. Вновь выявленные источники помогают понять «ситуацию обжитости», характер восприятия дальневосточным населением социально-бытовых условий и тех норм и ценностей, которые диктовались «сверху». Документы дали основание высказать гипотезу о многослойности реакции дальневосточников на проводимые социальные мероприятия и их результаты²⁸.

Одновременно ученые института приступили к изучению процесса разрушения советской модели социальной политики

и выявления сущности социальных мероприятий, проводимых государством в 1990-х годах. Однако фундаментальный вопрос о роли политики в трансформации социальной структуры во второй половине 1980—1990-х годов по-прежнему остается актуальным. На первом этапе исследований ставится задача проанализировать становление новых форм хозяйствования и формирования новых социальных групп, например, предпринимателей. Решение этой научной задачи осуществлялось на основе творческого содружества сотрудников института с преподавателями вузов. В частности, Л.А. Моисеева (заведующая кафедрой общегуманитарных дисциплин Дальневосточной государственной академии искусств), будучи соискателем института, в 2004 г. защитила докторскую диссертацию «История формирования предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985—2000 гг.)», в которой проанализирована специфика формирования малого предпринимательства, отражен общий ход приватизации на Дальнем Востоке как начальный этап формирования собственника, выявлена природа деструктивного предпринимательства.

Сотрудники сектора социальной истории и политики, учитывая роль миграционного фактора в истории формирования и развития населения региона, его влияния на хозяйственную структуру, обратились к анализу социально-экономических ориентаций мигрантов на рубеже XX—XXI вв. Были проведены социологические опросы «Мигрант — 2000, 2001», предоставившие значительный блок информации о специфике вхождения мигрантов в рыночную среду²⁹.

Чтобы составить представление о социальных процессах последнего десятилетия XX в., безусловно, нужна специальная комплексная программа. Социальную трансформацию общества сегодня характеризуют не только появление ранее существовавших страт (крупных и средних собственников, слоя «новых бедных», безработных), но и соответствующие формы приспособления дальневосточников к новым условиям. Как показывают первые шаги, предпринятые отечественными обществоведами, на примере предпринимательства очень ярко прослеживается проблема влияния глобализации на социальную трансформацию. Возможно, эта тема станет в XXI в. тем направлением, в рамках которого будет изучаться замена национальной замкнутости всесторонними международными экономическими связями.

В 2000—2005 гг. научные исследования по социальной истории сосредоточились в основном в одноименном подразделении института и велись в русле общих новаций, характерных для современных исторических трудов. Прежде всего речь идет о расширении историко-антропологического метода при анализе отношений власти и общества во второй половине XX — начале XXI в. Если в конце 90-х годов прошлого века исследователи для понимания специфики этой части советской истории активно обращались к понятию «менталитет», то в настоящее время проявляется тенденция использования категорий другого порядка. В понятийный аппарат историков входят новые категории, которые дают возможность конкретизировать отношение общества к различным событиям, в том числе и к внутренней политике. Например, В.Н. Козлов (Москва) видит эту сторону социальной действительности через понятие «крамола—инакомыслие» и приходит к выводу о существовании в СССР в 50—70-е годы массовых беспорядков. Ю.В. Аксютин (Москва) вводит термин «общественные настроения», А.Г. Борзенков — «нонконформизм молодежи», В.Ю. Титов (Иркутск) — «протестные настроения»³⁰. Появляются и первые статьи дальневосточных исследователей И.В. Безика³¹ и Л.Н. Булдыгеровой³². Среди историков, кто первым обратился к данному уровню отношений общества и власти, была автор данной статьи.

В настоящее время определены основные типы документов, хранящихся в фондах Государственного архива Приморского края. Выявлена палитра критики «недостатков» советского строя. Представляется, что история «простонародной критики» режима как паттерны российской антивластной оппозиционности, находится сегодня лишь в стадии зарождения. И чтобы полностью представить общественно-политическую ситуацию на Дальнем Востоке в различные периоды, проследить «ответы» провинции на вызов «центра», историкам еще предстоит кропотливые поиски в архивах.

Исследование феномена «народной критики» власти в дальневосточном регионе в 60—80-е годы XX в. по-прежнему остается проблемной ситуацией для региональной исторической науки, и ее решение во многом объяснит причины специфики политической культуры дальневосточников в более поздний период, характер протестных настроений в 90-е годы XX в.

Размышляя над перспективными задачами историков, обративших свой научный взгляд к теме «власть и общество», мы высоко оцениваем достижения российских гуманитариев, в частности в области исследования политических реформ конца XX — начала XXI в. Особенностью современного этапа познания социально-политических реалий является междисциплинарный подход, на основе которого отечественные обществоведы уже получили конкретные результаты. Например, политологи в поисках ответов на многие вопросы современной истории предлагают различные концептуальные подходы к этому и дают историкам богатые теоретические ориентиры. Спектр теоретических воззрений на социально-политические реалии начала XXI в. уже охарактеризован в трудах ученых России, в том числе и в вышеназванных работах В.В. Согрина. Аналитический обзор можно найти и в трудах дальневосточных обществоведов М.Ю. Шинковского и Е.В. Буянова и др. В 1996 г. вышел в свет двухтомник «Политическая история: Россия—СССР—Российская Федерация». Последняя глава второго тома заканчивается 1996 г. Подробная хроника событий дана в книге «Современная политическая история России (1985—1998 гг.)», (Москва, 1999). Большое значение для исследователей-дальневосточников имеют труды Р.Г. Пихои, Н.А. Косолапова, М.В. Шубина, Л. Шевцовой и др.³³ Несмотря на то, что обществоведы по-разному интерпретируют события новейшей политической истории, их порой объединяет один общий теоретический инструментарий, который в частности обозначен В.В. Согриным как «президентский синтез» — разделение современной трансформации на периоды, совпадающие с пребыванием у власти М. Горбачева, Б. Ельцина и В. Путина. Объединяющим моментом многих работ выступает вывод о том, что центральным пунктом российских политических и социальных реформ конца XX в. был вопрос о путях и способах, социально-экономических ресурсах удержания собственности и политической власти в руках определенных правящих группировок. Это оказало огромное влияние и на ход социальных преобразований.

Рассматривая научные результаты ученых института на фоне историографического «прорыва» в области политических исследований российскими гуманитариями, можно отметить ряд выводов, которые определили местную специфику: реформирование органов государственной власти на местах во многом зависело от

«человеческого» фактора. Ослабление Российского государства в 90-е годы XX в. более заметно сказывалось в отдаленных регионах страны, что позволило дальневосточным элитным группам заявить «центру» о своих претензиях на участие в государственном и хозяйственном управлении (Е.В. Буянов, А.С. Ващук, Т.Г. Троякова³⁴). Большую роль в развитии нового направления в дальневосточной исторической школе сыграло сотрудничество с представителями иногородних вузов, в частности с Е.В. Буяновым (Амурский государственный университет), который был соискателем и в 2003 г. успешно защитил докторскую диссертацию «Органы государственной власти дальневосточных объектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х — 90-е гг. XX в.)».

Отношение дальневосточников к политическим реформам, к возникшим местным проблемам на островной территории Сахалина подробно проанализировано в статье А.П. Коняхиной. В публикациях молодого ученого раскрыта роль партий в региональном политическом процессе, а главное — степень доверия им со стороны населения³⁵.

Представленный обзор показывает, что при подготовке фундаментального издания «История Дальнего Востока в советский период» специалисты института выявили и исследовали значительный спектр вопросов, раскрывающих многообразие общественной жизни в регионе, которые в предыдущие периоды оставались вне исследовательского поля в силу различных идеологических и других обстоятельств.

В заключении статьи, обращаясь к читателю, мы хотели бы заметить, что данный материал ни в коей мере не претендует на историографический анализ. Представленная статья — это своеобразный отчет перед общественностью о прошедших исследованиях в 2000—2005 гг. в контексте российской и региональной гуманитарной науки. Как показывает приведенная информация о проблемах социальной истории, сотрудники института не только предприняли поиск новых источников, но и вышли на новый уровень понимания эволюции российского общества в XX в. на Дальнем Востоке. Проекты, которые были построены на сквозном хронологическом принципе, оказались эффективным научно-организационным инструментом на пути к осуществлению мечты академика А.И. Крушанова — завершить фундаментальное издание.

- ¹ Бойцов М.А. Выживет ли Клио? // *Общественные науки и современность*. 2006. № 1. С. 91.
- ² Цит. по: Бибииков М.В., Тишков В.А., Волков В.К. XX Международный конгресс исторических наук // *Новая и новейшая история*. 2006. № 1. С. 4.
- ³ Сахаров А.Д. О новых подходах к истории России // *Вопр. истории*. 2002. № 8. С. 3—20; Искандеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // *Вопр. истории*. 1996. № 4. С. 7—19; Судьба исторической науки. М., 1996; Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX в. Вып. 2. Томск, 2003; Согрин В.В. 1985—2005 гг.: Перипетии исторического плюрализма // *Общественные науки и современность*. 2005. № 1. С. 20—34; Тertyшный А.Г., Трофимов А.В. Современные концептуальные ориентиры в изучении российской истории // *Социальные трансформации российской истории: Докл. междунар. науч. конф. 2—3 июля 2004 г.* Екатеринбург. Екатеринбург; Москва, 2004. С. 571—584 и др.
- ⁴ Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Согрин В.В. Современная российская модернизация: этапы, логика, цена // *Вопр. философии*. 1994. № 11. С. 3—18; Алексеев В.В. Россия в контексте теории модернизации // *Российская модернизация XIX—XX веков: институциональные социальные экономические перемены*. 1997. С. 4—5; Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: развитие в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953—1964 гг. Пермь, 1993; Российская цивилизация в условиях модернизации. Чебоксары, 2000; Тафаев Г.И. Российская модернизация. Чебоксары, 1999; Сенявский А.С. Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики (XX в.) // *Социальные трансформации российской истории: Докл. междунар. науч. конф. 2—3 июля 2004 г.*
- ⁵ Сенявский А.С. Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики (XX в.) // *Социальные трансформации российской истории: Докл. междунар. науч. конф. 2—3 июля 2004 г.* С. 90—107.
- ⁶ Вишневский А.Г. «Серп и рубль»: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 6.
- ⁷ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи XVIII — начала XX в. В 2-х т. 2-е изд., исправл. СПб., 2000.
- ⁸ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. 2000. Т. 2.
- ⁹ Данилов В.П. Возникновение и падение советского общества: социальные истоки, социальные последствия // *Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший*. М., 2000. С. 89—90; Алексеев В.В. Введение // *Опыт российских модернизаций XVIII—XX века*. М., 2000. С. 3—127; Он же. Россия в контексте теории модернизации // *Российские модернизации XIX—XX веков: Институциональные, социальные, экономические перемены*. Уфа, 1997. С. 4—5; Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // *Отеч. история*. 2003. № 5. С. 5—13 и др.
- ¹⁰ Социальные трансформации российской истории: Докл. междунар. науч. конф. 2—3 июля 2004 г.
- ¹¹ Буянов Е.В. Органы государственной власти дальневосточных субъектов Российской Федерации: история и итоги реформирования (конец 80-х — 90-е гг. XX в.): автореф. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2003. С. 8.
- ¹² Ващук А.С. Социальная политика СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 1940-х — 1980-е годы). Владивосток, 1998.

- ¹³ Власов С.А. Капитальное и жилищное строительство на Дальнем Востоке (50—80-е годы XX в.) // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Вып. 2. Благовещенск, 2000. С. 491—497 и др.
- ¹⁴ Макаренко В.Г. Высшая техническая школа Дальнего Востока России (середина 60-х — 80-е годы XX в.). Владивосток, 2002.
- ¹⁵ Балдин С.С., Моисеенко В.В. Профтехшкола Приморья: История и современность. Владивосток, 2004.
- ¹⁶ Коваленко С.Г. Реформирование системы государственного управления народным хозяйством на Дальнем Востоке России (середина 50-х — 70-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2006; Она же. Номенклатура и модернизация в десятилетие Н.С. Хрущева // Восьмая Дальневосточная конференция молодых историков: сб. материалов. Владивосток, 2004. С. 81—88 и др.
- ¹⁷ Вашук А.С., Крушанова Л.А. Мобилизационные формы пополнения трудовых ресурсов в СССР в 1946—1950-е гг. // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 1. С. 5—14.
- ¹⁸ Волков В.К., Бибиков М.В., Тишков В.А. XX Международный конгресс исторических наук // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 5.
- ¹⁹ Чернолуцкая Е.Н. Общие места заключения на Дальнем Востоке в начале 1930-х гг. (по материалам дальневост. архивов) // Итоги и перспективы развития архивного дела в дальневосточном регионе на рубеже тысячелетий. Владивосток, 2001. С. 97—102; Она же. Пенитенциарная система на Дальнем Востоке в 20-е гг. // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 1998. Т. 3. С. 95—107; Она же. Принудительный труд как мера уголовного наказания на советском Дальнем Востоке в 20-х — начале 30-х гг. (на материалах РГИА ДВ) // Архивы Дальнего Востока России на пути в новое тысячелетие. Владивосток, 1998. С. 118—126; Chernolutskaia E.N. Stalin's Camps: Vladivostok and Russian Far East in the 1920s // The Soviet and Post-Soviet Review. Vol. 27, Nos. 2—3 (2000). Chares Schlacks, Jr., Publisher. Iddyllwild, California (USA). P. 279—291.
- ²⁰ Чернолуцкая Е.Н. Приказ НКВД № 00447 «Об операции по репрессированию... антисоветских элементов». Дальний Восток, 1937—1938 // Россия и АТР. Владивосток, 2005. № 3. С. 55—65 и др.
- ²¹ Чернолуцкая Е.Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в сталинский период // Вестн. ДВО РАН. 1995. № 6. С. 71—79; Она же. Паспортизация дальневосточного населения (1933—1934) // Revue des Etudes Slaves. Paris, LXXI / 1. 1999. P. 17—33; Она же. Спецпоселенцы в Дальстрое (1946—1956) // Наука Северо-Востока России. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2005. С. 602—605; Она же. Немцы на советском Дальнем Востоке: стат.-демогр. аспект // Этнос и культура в условиях общественных трансформаций. Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 156—171 и др.
- ²² Крушанова Л.А. Отношение принудительных мигрантов к своему статусу в 1946 — начале 1950-х гг. // Дальний Восток: наука, образование. XXI век: IV Крушановские чтения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Гос. пед. ун-та, 2005. Т. 1. С. 147—155.
- ²³ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945—1964 гг. М., 1993.; Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории // Вопр. истории. 1995. № 7. С. 153—160; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М., 1999.
- ²⁴ Вашук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке...
- ²⁵ Шестак О.И. Советская социальная политика и ее реализация на Дальнем Востоке. 1922—1941. Владивосток, 2004.

- ²⁶ Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Деревня российского Дальнего Востока в 20—30-е годы XX в. Владивосток, 2004.
- ²⁷ Слабнина Л.А. Уровень жизни рабочих Дальнего Востока СССР (1946 — начало 1960-х годов). Владивосток, 1997.
- ²⁸ Вашук А.С. Власть и общество: социально-политические настроения дальневосточников в 50-е годы XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 2004. № 4. С. 74—82; Она же. Реакция населения Дальнего Востока на советскую социальную политику (1945 — начало 1950-х годов // Дальний Восток: наука, образование. XXI век: IV Крушановские чтения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре. С. 99—105.
- ²⁹ Вашук А.С. Социально-экономические ориентации иммигрантов в приграничных территориях на рубеже XX—XXI вв. (по материалам Приморского края) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. С. 329—334.
- ³⁰ Аксютин Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004; Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 г. — начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999; Крамола: Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе в 1953—1982 гг. / под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко. Рассекреченные документы Верховного Суда и Прокуратуры СССР. М., 2005; Титов В. Протестные настроения в общественном мнении граждан РСФСР во второй половине XX века (на примере 1950—1960-х гг.). Иркутск, 2005; Борзенков А.Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности. Новосибирск, 2003.
- ³¹ Безик И.В. XXII съезд КПСС и общественное настроение в Приморье // Россия и АТР. Владивосток, 2004. № 3. С. 12—17.
- ³² Булдыгерова Л.Н. Политические процессы в конце 50-х годов: реакция дальневосточников на решения июньского 1957 г. Пленума ЦК КПСС // Гражданское общество: опыт запада и востока: материалы Междунар. науч.-практ. семинара. Владивосток, 2004. С. 227—234.
- ³³ Согрин В.В. 1985—2000: три превращения современной России // Отеч. история. 2005. № 3. С. 3—24; Косолапов Н.А. Что это было? Размышления о перестройке в свете когнитивных итогов // Обществ. науки и современность. 2005. № 1. С. 5—19; Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. Новосибирск, 2000; Шубин А.В. Парадоксы перестройки: упущенный шанс СССР. М., 2005; Шевцова Л. Режим Бориса Ельцина. М., 1999 и др.
- ³⁴ Троякова Т.Г. Дальний Восток на пути к демократическому обществу // Гражданское общество: опыт запада и востока: материалы Междунар. науч.-практ. семинара. Владивосток, 2004. С. 297—303.
- ³⁵ Коняхина А.П. Общественно-политические настроения населения Сахалинской области в переходный период (1985 — начало 1990-х гг.) // Дальний Восток: наука, экономика, образование. XXI век: IV Крушановские чтения: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. С. 139—144; Коняхина А.П., Шинковская Н.В. Параметры эволюции политического режима в Приморье // Полит. исследования. 2003. № 2. С. 143—149.

SUMMARY: Doctor of Historical Sciences, Professor Angelina S. Vaschuk called her article “Vital questions of study of social history of the Russian Far East”. This is a kind of report of investigations of researchers of the Institute of History of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in 2000—2005.